

Д. Р. Шарафутдинов
Екатеринбург

Образ “кавказцев” в современной русской национальной ментальности и его отражение в новой этнографической “терминологии”

В коммуникативной практике многих носителей современного русского языка, в том числе в политическом дискурсе, в последние 10-15 лет чрезвычайно широкое распространение получила специфическая новая этнографическая, этнолингвистическая и антропологическая “терминология” типа *лицо кавказской национальности* или даже *лицо азиатской (восточной, южной) национальности / внешности* (а также почти противоположное по значению *человек славянской внешности*) и т. п. Появившиеся в канцеляарско-чиновничьем подъязыке (прежде всего в официальных высказываниях сотрудников правоохранительных органов), подобные выражения затем покинули ту социально-коммуникативную сферу, которой обязаны своим происхождением, и быстро распространились в различных регистрах современной русской речи. Этот феномен обусловлен двумя основными причинами: во-первых, малой степенью осведомленности как истеблишмента, так и населения в целом в вопросах лингвистики, этнографии, антропологии и культурологии; во-вторых, совершенно определенными “антикавказскими” политическими мотивами и установками. В 90-е годы обсуждаемые фразеологизированные сочетания постоянно и массово употреблялись многими политическими деятелями, должностными лицами, журналистами, да и просто рядовыми носителями языка, причем отнюдь не только представителями малообразованной просторечной среды. В то же время эти единицы и их использование подвергались довольно жесткой критике со стороны лингвистов, этнографов, культурологов и специалистов в других областях гуманитарного знания, а также из уст некоторых общественных деятелей, людей высокого уровня духовной культуры и образованности. Естественным образом употребление данных выражений не оставляло равнодушными и самих представителей кавказских этносов.

В последние годы использование этих словосочетаний приобрело своеобразный социально-символический характер.

Употребление / неупотребление их стало социально обусловленным знаковым речевым действием и специфической лингво-социологической приметой (маркером) — показателем принадлежности индивида к определенному социокультурному слою. В настоящее время в среде гуманитарной интеллигенции, культурной элиты общества; в сферах публичной политики и политической журналистики использование рассматриваемых единиц в речи воспринимается преимущественно как проявление дурного языкового вкуса и невысокого уровня общей культуры и воспитанности. Человек, претендующий на реальный статус интеллигента с тонким языковым чутьем и вкусом, принципиально не должен допускать их к употреблению (а формирующий лишь соответствующий имидж — к публичному употреблению). В общении людей высококультурных и интеллигентных обсуждаемые выражения могут сознательно использоваться лишь в рамках языковой игры, в ироническом ключе (например, в ситуации игрового “самоопределения” говорящего: “Я сам наполовину *лицо кавказской национальности*”). Вместе с тем, для многих представителей других социокультурных групп они остаются вполне актуальными, функциональными и даже привлекательными в силу их “официального” характера.

Люди, “нейтрально” употребляющие подобные “клише”, мало задумываются об их содержательных особенностях. Между тем, содержательные планы формул *лицо кавказской национальности* и *человек славянской внешности* “устроены” весьма нетривиально. Первая вроде бы манифестирует этнический признак индивида (“национальность”), вторая — антропологический, фенотипический признак (“внешность”). Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что оба выражения в этнографическом и в антропологическом отношениях соответственно носят квазиинформативный, “фантомный” характер и содержат внутренние противоречия.

Нет необходимости сегодня доказывать принципиальное отсутствие пресловутой “кавказской” национальности как таковой: на Кавказе проживают десятки этносов, причем отнюдь не только близкородственных; это настоящий конгломерат народов и языков, религий и культурных традиций. Рассматриваемые

устойчивые формулы воплощают образы социальной мифологии современного российского общества.

Словосочетание *лицо кавказской национальности* может иметь различные содержательные интерпретации, но в любом случае не выдерживает последовательной этнолингвистической критики. Если данное выражение обозначает представителей всех этносов, населяющих Большой Кавказ, то в этом случае оно в полной мере касается и проживающих там русских, в том числе терских и кубанских казаков, что явно не соответствует сложившейся традиции его употребления. Если же под ним имеются в виду представители лишь коренных, исконных **кавказских** этносов, которые говорят на языках автохтонных **кавказских** языковых семей (картвельской, абхазо-адыгской и нахско-дагестанской), распространенных только на Кавказе, то в таком случае оно неприменимо, например, к армянам, осетинам, татам (индоевропейская языковая семья) или к азербайджанцам, карачаевцам, балкарцам (тюркская семья), что также не отвечает интенциям тех, кто его употребляет. По-видимому, формула *лицо кавказской национальности* отражает интуитивное собирательное представление в массовом сознании как раз об определенных **антропологических** характеристиках — некоем типовом внешнем облике неславянских жителей Кавказа вообще.

Следует иметь в виду, что, с одной стороны, на территории Кавказа живут (причем веками) не только так определяемые “лица кавказской национальности”, а с другой стороны, сами “кавказцы” проживают (и тоже веками) не только на Кавказе и как внутри, так и за его пределами имеют разное этническое самосознание и различные антропологические приметы. Существуют многочисленные примеры самых разных комбинаций соответствующих признаков. Так, известный российский актер Дмитрий Харатьян в плане национальной принадлежности определяет себя как армянина, однако в этом случае едва ли кто-либо может применить выражение *лицо кавказской национальности*.

Очевидно, что рассматриваемая единица возникла отнюдь не на “пустом месте”: отчасти она реализует модель построения широко распространенного в свое время устойчивого сочетания *лицо еврейской национальности* (и наследует стилистические и

этические характеристики последнего) с той принципиальной разницей, что в ней грамматические формы единственного числа логически неуместны: не существует некоей **единой** кавказской национальности.

Еще менее содержательны выражения типа *человек славянской внешности*. Вообще говоря, так называемая “славянская внешность” (как и “азиатская”, “восточная”, “южная” и т. п.) чрезвычайно разнообразна. Ср., например, антропологические характеристики этнических русских — типичных представителей Русского Севера (например, архангельских поморов) и Русского Юга (например, терских казаков); а тем более, представителей северных и южных групп в рамках славянского мира в целом (например, белорусов и болгар). На индивидуальном уровне неспециалисту может быть очень трудно различить в этом отношении внешне подобных представителей славян и неславянских европейских народов (например, поморов и балтийцев, болгар и греков и т. п.).

Принципиально то же касается и внешнего облика “кавказцев”. Он также может быть совершенно различным и во многих случаях вполне сходным с типовыми чертами других этносов, в частности, населяющих Северное и Восточное Средиземноморье.

Несмотря на очевидную смысловую нелепость, нелогичность, анализируемые выражения воспроизводятся значительной частью носителей русского языка весьма активно, регулярно, широко и, что наиболее важно, вполне эффективно. При употреблении рассматриваемых единиц каких-либо серьезных коммуникативных неудач, “сбоев” в общении, как правило, не происходит. Обусловлено это прежде всего тем, что достаточно определенное, существующее на **интуитивной** основе содержание у них, конечно, имеется. Всем говорящим по-русски это содержательное наполнение более или менее понятно: вполне ясно, о ком именно в данном случае идет речь. Такое интуитивно существующее, совершенно реальное и общепонятное наполнение создает предпосылки для успешной коммуникации с использованием данных словосочетаний.

Сложность ситуации усугубляется феноменом регулярного смешения в массовом сознании лингвистического, этнического,

антропологического и конфессионального признаков народонаселения какого-либо государства или региона, выступающим в качестве основы социальных стереотипов.

©Шарафутдинов Д.Р., 2004